

УДК 39(=512.144)
ББК 63.521(=632)
X 18

Н.Х. Хамаева,

зам. директора по учебной работе Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкала, г. Махачкала, тел.: +7 (8722) 51-57-04, e-mail: jamaewa@yandex.ru

А.Д. Эльмурзаева,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкала, г. Махачкала, тел.: +7 (8722) 51-57-14, e-mail: Elmurzaeva-aminat@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ КУМЫКОВ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается традиционная семейно-обрядовая поэзия как одна из проблем сохранения родного языка в современное время. В эпоху глобальных изменений в социокультурном пространстве современного человечества, обращение к проблемам традиционной семейной обрядности необходимо для сохранения и дальнейшего развития этнических общностей, теряющих свой национально-культурный облик.

Ключевые слова: семейно-обрядовые традиции, этническая общность, межнациональное общение и родной язык.

N.Kh. Khamaeva,

Deputy Director for Study of the North Caucasian Institute (Affiliate) of the Russian State University of Justice in Makhachkala, ph.: +7 (8722) 51-57-04, e-mail: jamaewa@yandex.ru

A.D. Elmurzaeva,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Social and Economic Sciences and the Humanities of the North Caucasian Institute (Affiliate) of the Russian State University of Justice in Makhachkala, ph.: +7 (8722) 51-57-14, e-mail: Elmurzaeva-aminat@mail.ru

TRADITIONAL FAMILY AND CEREMONIAL POETRY OF KUMYKS AND PRESERVATION OF THE NATIVE LANGUAGE

Abstract. The paper deals with the traditional family and ceremonial poetry as one of the means of preservation of the native language in modern time. During the era of the comprehensive globalization, modernization, urbanization and other processes leading to oblivion of the national and cultural, ethnodifferentiating and ethnocultural from life of the people, first of all of native language, the address to family and ceremonial poetry is needed

to preserve and develop ethnic communities, which gradually and steadily lose their national and cultural shape.

Keywords: family and ceremonial traditions, ethnic community, international communication and native language.

Кумыки – один из коренных народов Дагестана, заселяющий равнинную часть и примыкающие к ней предгорья, третий по численности народ республики (более 13% ее населения). Около половины кумыков проживают в городах, около 53% – в восьми сельских административных районах. Говорят на кумыкском языке – одном из старописьменных литературных языков Дагестана, который входит в кыпчакскую подгруппу тюркской группы алтайской языковой семьи. До 75% кумыков свободно владеют родным языком, около 97% кумыков Российской Федерации считают родным языком кумыкский [1; 90–92].

Тем не менее, благополучие в языковой ситуации рассматриваемого народа чисто внешнее, хотя и более выигрышное по сравнению с подавляющим большинством других народов Дагестана. Большая часть кумыков владеет родным языком на бытовом уровне. Это относится не только к городской части населения, но и к контингенту сельчан. Родной язык обслуживает сферы внутрисемейного, родственного и внутрисельского общения. В городах, поселках городского типа, иногда, хоть и редко, и в селениях, языком общения в указанных сферах стал русский язык. В условиях, когда языком обучения подрастающего поколения выступает в основном русский, подавляющая часть информации, поступающей из СМИ, звучит на русском, официальным, деловым языком выступает тот же русский, являющийся для кумыков и языком межнационального общения, иного ожидать и не приходится. Процесс этот, к тому же, активно прогрессирует в условиях глобализации и модернизации в области культуры в широком

значении последнего понятия, об угрозе исчезновения в короткий срок многих сотен языков мы слышим все чаще и чаще. Современное поколение кумыков уже не имеет представления о многих составных традиционной материальной культуры, семейного или общественно-быта, духовной культуры своих предков. Из народной памяти выветриваются исторические предания, песни, другие жанры устного народного творчества, выходят из сферы общения народные афоризмы, пословицы, поговорки, притчи и т.д., обогатившие форму и содержание межличностных и групповых контактов и т.д.

В такой ситуации обращение к жанрам народного творчества, их выявление, научная обработка и публикация должны сыграть заметную роль в деле сохранения родного языка, элементов и составных традиционной духовной культуры народа. «Любой язык, будь он языком самого малочисленного народа, – огромная духовная ценность, в нем сконцентрирован многотысячный опыт народного мышления, – пишет академик Г.Г. Гамзатов. – Являясь удивительнейшим из всех даров, которыми наделен человек, родной язык цементирует опору национального и общественного сознания, социального прогресса, межнациональной гармонии, участником и творцом которых человек хочет себя осознавать и видеть, и имеет на это право» [2; 81].

Среди жанров устнопоэтического творчества кумыков особое место занимает свадебно-обрядовая поэзия. Эта особенность заключается в том, что в текст песен вплетены красочные речевые обороты, придающие им эмоциональную насыщенность при минимуме художественных средств; в них

содержатся номинации и понятия, почти полностью вышедшие из современной практики общения. В этих песнях гармонично сочетаются художественное, эстетическое начало, музыкальное оформление, традиционная хореография, а порой и элементы драматического искусства.

В величальных свадебных песнях кумыков часто первые две строчки куплета не имеют отношения к двум последующим, несущим на себе основное смысловое содержание:

*«Арпа сепдик къазлагъа,
Бюлбюллер гелин ашасын.
Бузге къызын сакълагъан
Палан кес юз йыл яшасын»*

– *«Мы посыпаем ячмень для гусей,
Пусть соловьи поклюют.
Пусть такой-то живет сто лет,
Что сберег для нас свою дочь»* [3; 263].

В этом куплете, где использован прием синтаксического параллелизма [4; 39], сторона жениха величает отца невесты, воспитавшего и вырастившего для жениха достойную девушку.

В дом жениха невесту, кроме прочих, сопровождала женщина средних лет или старшего возраста, чаще всего – свояченица, жена старшего брата или дяди невесты. У кумыков, как, впрочем, и у других народов Дагестана [4; 43], эта женщина (абай, къуда къатын) подвергалась граду насмешек со стороны парней стороны жениха: высмеивались ее мнимые или реальные анатомические особенности, личностные качества («неряха», «обжора», «врунья» – и проч., все – чаще всего, надуманное), задавались вопросы и делались предложения весьма открытого, двусмысленного характера и проч. – все это в данном конкретном случае традицией не запрещалось. Посвящались абай и специальные куплеты, чаще всего уничижительного содержания, например:

*«Ярдан теберип салып,
Харс урайным артынгдан,*

*Аллагъисан, оьлгюн сен,
Мен абайным, къартынгдан!»*

– *«Столкнув тебя с обрыва,
Буду хлопать в ладоши.
Ради Бога, помирай
От старости, моя абай!»* [5; 92].

Такое традиционное отношение к этому свадебному персонажу объясняется, видимо, одним из приемов демонстрации перед злонамеренным началом, весьма негативно и ревниво относящемуся к радостям, удачам и свершениям в коллективе людей и особенно активизирующемуся по отношению к невесте, жениху, роженице, новорожденному, показного неблагополучия в протекании свадебного церемониала [5; 94].

Поздно ночью дружки приводили жениха к комнате, отведенной для новобрачных. «Невеста загадывала жениху загадки и не открывала дверь до тех пор, пока он их не разгадывал», – пишет С.Ш. Гаджиева [1; 276].

Одна из них звучала так:

*«Бу гечелер гечедир,
Бармакъда оьрмекчедир,
Отуз алты байталны
Налы-мыхы нечедир?»*

– *«Эти ночи, ночи,
На пальце – кольцо.
Сколько подков и гвоздей
У 36 кобыл?»*

Ответ жениха:

*«Къойчуланы къойлары
Къозласын эгиз-эгиз.
Отуз алты байтанлы»
Налы-мыхи минг сегиз»* [6; 74].

– *«Овцы пастухов
Пусть окотятся двойняшками.
На 36 кобылах
Подков и гвоздей тысяча восемь».*

Подобного рода загадки, целенаправленно подготовленные для свадьбы, «...в результате специальной работы, заблаговременной подготовки, как «заготовки», по определению А.М. Аджиева, со временем воспринимались как образцы традиционного народного творчества, пополняя его содержание. Они

дают наглядное представление о народном образном художественно-поэтическом мышлении, о неисчерпаемом арсенале средств и методов языкового общения.

Поэтическое состязание, песенное, могло происходить и между группами молодых людей, невесты с подружками и жениха с друзьями. Например, девичья группа задавала группе жениха такой вопрос:

*«Йыланни авзу ув болур,
Есси ёкъ мал дув болур,
Етти денгизни иннинде
Нече акъчалыкъ сув болур?»*

– *«Рот у змеи ядовит,
Скот без хозяев плачет.
В семи морях
Сколько кувшинов воды?»* [6; 75].

Своеобразное песенно-поэтическое соревнование на свадьбе у кумыков происходило между девушками и юношами при исполнении танца «суйдюм-таякъ» – любовная палочка». Наблюдавший такой танец в сел. Аксай Н. Семенов пишет: «Став перед группой девушек, он (*парень – авт.*) избирал одну из них и, торжественно – весело, в гладкой и звучной строфе задавал ей вопрос, затрагивающий ее сердечные дела. Вопрос произносился певучим речитативом... Девушка обязательно отвечала ему рифмованными или нерифмованными стихами... Такой поэтический турнир продолжался иногда довольно долго, возбуждая в слушателях веселый смех, вызывая громкие аплодисменты» [7; 348].

Во время исполнения танца «суйдюм таякъ» между юношей и девушкой мог происходить своеобразный песенный диалог, например:

*«Юноша: Серые олени бегут с поляны,
Прекрасные девушки любятя ими.
Скажи, что будет, если я тебя
поцелую?»*

*Девушка: Если ты решишья меня
поцеловать,
Я превращусь в белого голубя*

*И улечу под небеса, тогда что ты
сделаешь?»*

*Юноша: Если ты улетишь под небеса
голубем,
Я серым ястребом нагоню тебя
И там схвачу тебя, что ты тогда
сделаешь?»*

*Девушка: Если ты схватишь меня
под небесами,
Я обращусь в рыбу и ускользну в море.
Тогда, в море, что ты со мной
сделаешь?»*

*Юноша: Если ты уйдешь в море,
Я, обротясь в железный крючок,
нырну в море
И там подцеплю тебя, что ты тогда
сделаешь?»*

*Девушка: Если ты меня в море
подцепишь,
Я рассыплюсь просом по траве,
Тогда ты что со мной сделаешь?»*

*Юноша: Если ты рассыплешься
просом по траве,
Я сделаюсь петухом и подберу просо.
Тогда ты что сделаешь?»*

*Девушка: И под небесами, и в море, и
в траве
Ты преследуешь меня, мне остается
одно:*

*Я умру, скроюсь в сырую землю,
Мои родные, подруги меня уж
не увидят.*

*Юноша: Если ты умрешь, твои
родные и подруги
Лишатся тебя, тогда и я умру, лягу
В ту же сырую землю – и там,
взамен
Всех, один останусь с тобой»*
[8; 192–193].

Распространение и утверждение идеологии ислама заметно повлияли на традиционную духовную культуру кумыков, в том числе и в сфере устного народного творчества. Не могла она не повлиять и на семейную обрядовую поэзию народа, что наиболее рельефно проявляется в похоронной обрядности. Свадебная же обрядовая поэзия это влияние почти не испытала: «... обрядовая поэзия, – пишет в этой связи фольклорист А.М. Аджиев,

– связанная с самой жизнью, с трудовой, «светской» деятельностью и по своему характеру допускающая некоторые «вольности», сравнительно меньше трансформирована исламом (свадебная и календарная поэзия)» [9; 22].

Семейно-обрядовая поэзия на протяжении веков была для кумыков формой художественного отражения действительности. Форма эта конструировалась и совершенствовалась на базе родного языка, посредством которого в канву поэзии были вплетены гиперболы, метафоры, сравнения и другие обороты и поэтические приемы, придающие

произведению семейно-обрядовой поэзии образность, обобщенность, лаконичность, эстетическую красочность. В эпоху всеохватывающих глобализационных, модернизационных, урбанизационных и иных процессов, ведущих к выхолащиванию, забвению национально-культурного, этнодифференцирующего, этнокультурного из жизни народа, что, прежде всего, относится к родному языку, обращение к семейно-обрядовой поэзии необходимо для сохранения и дальнейшего развития этнических общностей, постепенно, но неуклонно теряющих свой национально-культурный облик.

Примечания:

1. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 3–4; Она же. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2000. Кн. 1. С. 7–8; Ибрагимов М.-Р.А., Аджиев А.М. Кумыки // Народы Дагестана. М., 2002. С. 273–274; Ибрагимов М.-Р.А., Ибрагимова А. Кумыки: демография // Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009.
2. Гамзатов Г.Г. Лингвистическая планета Дагестан: этноязыковой аспект освоения. М., 2005.
3. Гаджиева С.Ш. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX – нач. XX в. // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1959. Вып. 6.
4. Халилов Х.М. Народы Дагестана // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985.
5. См. об этом: Абдинова А.Г. Реликты домонотеистических верований в семейной обрядности народов Дагестана. (XIX – начало XX века). Махачкала, 2010.
6. Аджиев А.М. Обрядовая поэзия // Рукоп. фонд ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 285. Лл. 74, 75.
7. Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.
8. Головинский П.И. Кумыки: Их игры, песни и обычаи // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1.
9. Аджиев А.М. Многообразие и единство в фольклоре народов Северного Кавказа // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985.

References:

1. Gadzhieva S.Sh. The Kumyks: Historical and ethnographic research. M., 1961, P. 3–4; By the same author. The Kumyks: the historical past, culture, lifestyle. Makhachkala, 2000. Book 1. P. 7–8; Ibragimov M.-R.A., Adzhiev A.M. The Kumyks // The peoples of Dagestan. M., 2002. P. 273–274; Ibragimov M.-R.A., Ibragimova A. The Kumyks: demography // Kumyk Encyclopedic Dictionary. Makhachkala, 2009.
2. Gamzatov G.G. The linguistic planet of Dagestan: ethno-linguistic aspect of development. M., 2005.
3. Gadzhieva S.Sh. Marriage and wedding ceremonies of Kumyks in the XIX – early XX centuries // Proceedings of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan branch of the USSR AS. Makhachkala, 1959. Issue 6.

4. Khalilov Kh.M. The peoples of Dagestan // Family-ritual poetry of the peoples of the North Caucasus. Makhachkala, 1985.
5. See about it in Abdinova A.G. Relics of pre-monotheistic beliefs in family rituals of the peoples of Dagestan. (the XIX – early XX centuries). Makhachkala, 2010.
6. Adzhiev A.M. Ritual poetry // A manuscript. ИАЕ fund. F. 3. Op. 5. D. 285. Ll. 74, 75.
7. Semyonov N. The natives of the northeastern Caucasus. SPb., 1895.
8. Golovinsky P.I. The Kumyks: Their games, songs and customs // Collection of information about the Terek area. Vladikavkaz, 1878. Issue 1.
9. Adzhiev A.M. Diversity and unity in the folklore of the peoples of the Northern Caucasus // Family-ritual poetry of the peoples of the North Caucasus. Makhachkala, 1985.